прийти к правильному, исторически обоснованному пониманию сущности и значения литературной революции, совершенной Ломоносовым в русской поэзии 1740-х годов. Кроме того, более ясное представление об основных идеологических и эстетических принципах ломоносовского поэтического стиля в их развитии поможет объяснить и посмертную судьбу ломоносовского поэтического наследия, лучше и глубже понять ту ожесточенную литературно-общественную борьбу, которая развернулась вокруг поэзии Ломоносова уже в 1750-е годы и продолжалась еще при Полевом и Белинском, в 1830-х годах.

1

Поэтическое наследие Ломоносова обычно рассматривается как нечто возникшее сразу, без каких бы то ни было изменений и колебаний. Молчаливо предполагается, что Ломоносов уже в 1739 году в оде «На взятие Хотина» явился совершенно сложившимся поэтом и в дальнейшем никак не менялся, а только применял раз и навсегда найденные им принципы поэтического стиля в различных стихотворных жанрах. С наибольшей убежденностью эту точку зрения высказал Белинский, и с тех пор она прочно вошла в наше сознание и приобрела аксиоматическое значение. Белинский не был оригинален в такой оценке оды «На взятие Хотина». Радищев в «Слове о Ломоносове» писал о ней: «Необыкновенность слога, сила выражения, изображения, едва не дышущие, изумили читающих сие новое произведение».[1] Ее цитировал с одобрением Державин в «Рассуждении о лирической поэзии».[2]

Комментаторы последнего академического издания Ломоносова пишут: «В XIX в. не раз высказывалось мнение, что ода „Первые трофеи“ „гораздо ниже“ или „значительно ниже“ оды на взятие Хотина, и даже просто „плоха“... Этот приговор потребует пересмотра. Молодой поэт, не имея предшественников и не страшась неудач, искал со всей присущей ему страстностью новых стилистических форм „высокого рода“, наиболее отвечавших тому гражданскому пафосу, которым определилось с первых же шагов все направление его поэзии: отсюда сознательная усложненность синтаксиса, сознательное же нарушение обычной последовательности в расстановке слов, гиперболичность образов, нагромождение риторических вопросов, повторений и т. п.».[3] Прежде чем соглашаться или спорить с распространенным в «XIX веке» мнением, следо-

---

[1] А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. I, М.—Л., 1938, стр. 385.

[2] Г. Р. Державин, Сочинения, т. VII, СПб., 1872, стр. 539—540.

[3] М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 8, Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 884. (В дальнейшем ссылки на это собрание сочинений даются сокращенно: Ломоносов, т., стр.).